

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1 9 8 6

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

К ВОПРОСУ О «КАТЕГОРИИ ЛИЦА» В ТЮРКСКОЙ МОРФОЛОГИИ

Признание того, что понятию «грамматическая словоизменительная категория» соответствует онтологическая реальность в виде, скажем, некоей подсистемы (или микросистемы), представляющей собой составную часть системы языка в целом,¹ делает необходимым уточнение некоторых бытующих в тюркском языкознании понятий, для обозначения которых принято пользоваться термином «категория». В этом плане представляет интерес понятие «грамматическая категория лица», содержанием которого признается совокупность личных форм глагола² и с которым связывается также все многообразие глагольных показателей лица и числа.³

Характерной особенностью сложившихся в тюркском языкознании представлений о «категории лица» и о личных аффиксах является признание их в первую очередь атрибутами глагола, связывание их с понятиями «сказуемость» и «глагольность» («вербальность»), в чем, возможно, сказалось влияние традиционной для отечественного языкознания вербоцентрической концепции предложения.⁴ При этом личные формы глагола в соответствии со сложившейся в индоевропейском языкознании традицией нередко обозначаются термином «финитная форма»,⁵ что предполагает отнесенность обоих терминов к одному и тому же понятию.

Если грамматическая категория признается объективно существующей подсистемой языка, то главным в ее грамматической структуре предстает значение (или значения), которое объединяет разные формы в один ряд и обеспечивает выполнение ими одинаковых или родственных коммуникативных функций, т. е. к а т е г о р и а л ь н о е з н а ч е н и е. С этой точки зрения, категория лица — это ряд форм, объединяемых о д н о р о д н ы м и значениями, указывающими: 1) на говорящее лицо или лица, от имени которых говорящий осуществляет акт коммуникации, 2) на лицо или лица, к которым обращена речь, 3) на лицо или предмет (лица, предметы), находящиеся вне акта коммуникации. На основе этих однородных значений лица объединяются в один ряд личные местоимения.⁶ Но местоимения — лексемы, а не грамматические формы. Следовательно, и нет смысла утверждать, что

они конституируют словоизменительную категорию. Однако вне всякого сомнения они составляют подсистему языка на лексическом уровне, и в этом плане вполне можно говорить о наличии в тюркских языках лексической категории лица.

По лицам и числам различаются формы трех тюркских словоизменительных категорий: 1) категории принадлежности,⁷ 2) именной категории сказуемости,⁸ 3) глагольной категории сказуемости.⁹ Значит, для того чтобы решить вопрос о роли показателей лица и числа в системе тюркского словоизменения, необходимо уяснить устройство этих трех категорий. Но уже сам тот факт, что личные формы обнаруживаются не только у категорий сказуемости, представляющих собой совокупности именных и глагольных финитных форм, но и у именной категории принадлежности (совокупности форм принадлежности), позволяет заключить, что: 1) термины «личная форма» и «финитная форма» должны обозначать разные понятия, поскольку последним в языке соответствуют различные по своей природе единицы; 2) функции личных аффиксов у категории принадлежности, с одной стороны, и у категорий сказуемости — с другой, различны, что и отражено широко распространенными терминами «аффиксы принадлежности» и «аффиксы сказуемости».

К а т е г о р и я п р и н а д л е ж н о с т и представляет собой совокупность шести именных форм, которые объединяются одним общим для каждой формы грамматическим значением — значением «грамматической принадлежности», посредством которого передаются самые разнообразные предметные связи. В речи соответствующие словоформы сигнализируют о том, что предмет, называемый основой, истолковывается говорящим как объект отношения принадлежности, как объект обладания, а предмет, репрезентируемый личным значением присоединяемого к основе показателя, — как субъект этого отношения, как обладатель. Иными словами, любая конкретная словоформа несет информацию о некоторой ситуации определенного типа с двумя участниками: два предмета (объект обладания и обладатель) вступают в какое-либо отношение, которое поддается истолкованию в качестве притяжательной связи.

Главным с функционально-коммуникативной точки зрения у каждой из шести форм является ее категориальное значение — сложный образ, включающий объект обладания и обладателя, связанных притяжательным отношением. Репрезентация обладателя значением лица предстает как второстепенная семантическая особенность форм и всей категории принадлежности. Нетрудно видеть, что в основе всех личных форм этой категории лежит одна общая грамматическая форма — это сочетание основы и показателя любого лица. Замена одного личного показателя другим нисколько не затрагивает категориального значения формы и представляет собой поэтому не замену одной формы другой, а лишь изменение одной и той же формы, которое имеет целью переменную репрезентацию объекта, выступающего с точки зре-

ния посетителя языка всегда в одном и том же амплуа — в качестве обладателя.

В свете сказанного представляется необходимым различать в сфере словоизменения два явления: 1) механизм о б р а з о в а н и я форм как носителей категориальных значений, для обозначения которого наиболее пригоден уже имеющийся термин «ф о р м о о б р а з о в а н и е» (как было сказано, форма категории принадлежности — основа + любой личный аффикс); 2) свойственный не всем, а лишь отдельным категориям механизм и з м е н е н и я форм, никак не модифицирующий их категориальных значений и служащий для регулярной переменной репрезентации в речи участников какого-либо отношения, которые с точки зрения носителей языка вступают в это отношение всегда в одном и том же амплуа (упомянутое изменение формы категории принадлежности по лицам и числам, имеющее целью репрезентацию обладателя); такой механизм было бы оправдано именовать ф о р м о и з м е н е н и е м.¹⁰ Важно подчеркнуть, что основная разновидность словоизменения — это, конечно, формообразование, поскольку оно включает в себя и такие категории, которые не имеют формоизменительного механизма (например, числа, склонения, залогов и др.). Формоизменение предстает как особенность в н у т р е н н е й о р г а н и з а ц и и некоторых категорий, как их дополнительный механизм.

В качестве по меньшей мере типологического свидетельства в пользу тезиса о дополнительной, второстепенности формоизменительного механизма категории принадлежности может быть истолкован тот факт, что в некоторых алтайских языках (в частности, в тунгусских) наряду с личными имеются «безлично-притяжательные» показатели, посредством которых образуются синтетические формы принадлежности со значением «свой»,¹¹ т. е. формы, лишенные формоизменительного механизма.

Наименьшими структурными единицами языка, которые конституируют именную и глагольную к а т е г о р и и с к а з у е м о с т и, являются соответственно именные и глагольные финитные формы.

Как именные, так и глагольные финитные формы имеют одну общую (для всех финитных форм) синтаксическую особенность — способность выступать только в функции сказуемого. С коммуникативной же точки зрения общим для них является то, что каждая форма всегда участвует в передаче суждения, т. е. мысли, имеющей субъектно-предикатную структуру: субъект (предмет мысли) — предикат (сообщение о предмете мысли). Естественно полагать, что для передачи суждений посредством соответствующих словоформ каждая финитная форма должна иметь своим грамматическим значением некий образ суждения, в котором обобщена, закреплена модель суждений, их двучленная структура. Сказанное позволяет с функционально-семантической точки зрения понимать финитную форму как морфологическое средство выражения мысли, облеченной в форму суждения, что также свидетель-

ствует в пользу тезиса о необходимости разграничения понятий «личная форма» и «финитная форма».

Из предложенного понимания финитных форм следует, что в соответствующие категории сказуемости их объединяет сформулированное общее для всех форм грамматическое значение (образ суждения), которое, следовательно, и является в обоих случаях категориальным. Посредством этого значения любая конкретная финитная словоформа в речи передает какое-либо суждение, включающее субъект (предмет, о котором идет речь) и предикат (то, что сообщается о субъекте). И именные, и глагольные финитные формы в тюркских языках чаще всего (об исключениях будет сказано ниже) репрезентируют субъект личным значением входящего в состав словоформы личного аффикса. Содержание предиката раскрывается посредством имени, формы имени или глагольной основы, которые выступают в финитной форме в функции именного или глагольного сказуемого.

В основе всех именных финитных форм лежит одна и та же общая грамматическая форма — сочетание основы с личным аффиксом (он же — «аффикс сказуемости»). В составе многообразных глагольных финитных форм легко вычленивается общая форма, имеющая следующую структуру: основа + показатель наклонения / времени + личный аффикс. Показатели наклонений и времен в ней принадлежат механизму образования форм более частных категорий, входящих в состав глагольной категории сказуемости и имеющих свои собственные категориальные значения. Изменение общих грамматических форм обеих категорий сказуемости по лицам (спряжение) представляет собой формоизменение, с помощью которого осуществляется репрезентация субъекта выражаемого суждения через значение лица. Оно не затрагивает категориального значения ни той, ни другой категории сказуемости, как и категориальных значений более частных категорий — наклонений и времен, — входящих в состав глагольной категории сказуемости.

Передача суждений в тюркской речи может, как известно, осуществляться не только морфологическим способом, т. е. посредством финитных словоформ, но также и лексическим способом — путем прямого называния субъекта и предиката, как это имеет место в предикативных конструкциях типа турецкой *Ben babası* 'Я его отец', которые не могут признаваться конструкциями, организуемыми финитными формами. Чаще всего оба способа взаимодействуют в речи, чем достигается или конкретизация субъекта (*Ahmed geldi* 'Ахмед пришел'), или избыточное выражение его (*Sen çocuksun* 'Ты ребенок'). Но и в рамках морфологического способа передачи суждений выражение субъекта производится не только путем репрезентации его значением лица. Имеются тюркские языки — сарыг-югурский и саларский, — которые утратили изменение по лицам и числам в сфере временных форм.¹² Такие формы в этих языках, как представляется, также являются финитными, поскольку каждая из них выражает сужде-

ния. Но, так как они не способны представлять субъект грамматическим лицом, их едва ли корректно признавать личными. Подобную картину исследователи наблюдают в большинстве других алтайских языков.¹³ Возможно, что содержание семы (компонента значения), в которой в составе сложного значения таких безличных финитных форм обобщены представления о субъектах суждений, является еще более абстрактным, чем в языках с личными финитными формами. Допустимо, что оно сводится к некоторому следу, способному лишь сигнализировать о наличии субъекта, никак его не уточняя.

Изложенная трактовка устройства обеих категорий сказуемости дает основание полагать: 1) в них также необходимо различать два механизма — формообразование и формоизменение; 2) формообразование — это присутствующая в каждой финитной форме общая форма, ассоциированная с общим категориальным значением (обобщенным образом суждения); 3) формоизменение — механизм изменения форм по лицам и числам (спряжение). Наличие тюркских и других алтайских языков с безличными финитными формами подкрепляет тезис о второстепенном, побочном характере формоизменительного механизма, отсутствие которого не сказывается на способности форм функционировать в качестве морфологического средства передачи суждений и, следовательно, не меняет их сути.

Факт существования в тюркских языках безличных финитных форм — еще одно свидетельство в пользу предположения о необходимости разграничения понятий «личная форма» и «финитная форма», в которых, как было показано, отражены явления, относящиеся к двум отличным друг от друга разновидностям словоизменения: финитные формы — это структурные морфологические единицы ведущей, основной разновидности словоизменения — формообразования, в то время как личные формы — это структурные единицы неосновной, второстепенной ее разновидности — формоизменения. Личные формы в тюркских языках — это компоненты формоизменительных механизмов категории принадлежности, именной и глагольной категорий сказуемости. В принципе (если выйти за пределы тюркских языков) переменная морфологическая репрезентация участников какого-либо отношения, выступающих в нем в одном и том же амплуа, может осуществляться посредством иных языковых значений, например значений рода и числа, как представление субъекта в русском прошедшем времени: *читал, читала, читало* (я, ты, он, она, оно), *читали* (мы, вы, они). Отличительной чертой тюркских языков следует считать то, что в них формоизменение (там, где оно имеется) носит личный характер.

Признание формообразования ведущей, а формоизменения — второстепенной разновидностью словоизменения с неизбежностью приводит к выводу, что совокупность личных форм той или иной категории (ее формоизменительный механизм) не может рассматриваться в одной плоскости с другими словоизменительными (по

своей сути формообразовательными) категориями языка и выделяться в самостоятельную «категорию лица». Следовательно, распространенное мнение, согласно которому любой ряд форм, объединяемых общностью грамматических значений, представляет собой грамматическую категорию, является поверхностным и нуждается в уточнении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Гузев В. Г., Насилов Д. М.* Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория». — СТ, 1981, № 3, с. 22—35.

² См., например: *Баскаков Н. А.* 1) Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. — В кн.: ИСГТЯ. Ч. II. Морфология. М., 1956, с. 263—303; 2) Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютации). М., 1979, с. 232—246; *Шайхайдарова Д. Ш.* Грамматическая категория лица татарского глагола и персональность. Канд. дис. Казань, 1979.

³ См.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). Л., 1981, с. 23—40.

⁴ См.: *Храковский В. С.* История вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании. — ВЯ, 1983, № 3, с. 110—117.

⁵ См., например: *Насилов В. М.* Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974, с. 72—96.

⁶ Особые свойства и функциональные возможности значения 3-го лица едва ли оправдывают вывод Э. Бенвениста: «„третье лицо“ не есть лицо» (*Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974, с. 262).

⁷ См.: *Дмитриев Н. К.* Категория принадлежности. — В кн.: ИСГТЯ. Ч. II. Морфология. М., 1956, с. 22—37; *Севортян Э. В.* Категория принадлежности. — Там же, с. 38—44; *Иванов С. Н.* К истолкованию категории принадлежности (на материале турецкого языка). — СТ, 1973, № 1, с. 26—36; *Нигматов Х. Г.* Синтаксическая сущность форм принадлежности в языке восточно-тюркских памятников XI—XII вв. — СТ, 1975, № 5, с. 21—26.

⁸ *Севортян Э. В.* Категория сказуемости. — В кн.: ИСГТЯ. Ч. II. Морфология. М., 1956, с. 16—21; *Гузев В. Г.* Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория: (На материале староанатолийского и турецкого языков). — В кн.: *Turcologica: К семидесятилетию акад. А. Н. Кононова.* М., 1976, с. 56—64.

⁹ *Гузев В. Г.* Парадигма глагольных финитных форм как морфологическая категория: (На материале староанатолийско-тюркского языка). — СТ, 1982, № 4, с. 67—79.

¹⁰ Это слово, по-видимому, как синоним термина «формообразование», встречается у А. И. Смирницкого (*Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1959, с. 12).

¹¹ *Суник О. П.* Существительное в тунгусо-маньчжурских языках: В сравнении с другими алтайскими языками. М., 1982, с. 225—241.

¹² См.: *Тенишев Э. Р., Тобаева Б. Х.* Язык желтых уйгуров. М., 1966, с. 25—32; *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол), с. 23—24.

¹³ *Рамstedt Г. И.* Введение в алтайское языкознание: Морфология. М., 1957, с. 81.